

О РУДИНСКОМ Н. С. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

РУДИНСКИЙ Николай Семенович, родился в 1871 в деревне Заозерье Ивановской губ. Получил среднее образование, посвящен в сан священника, служил в храмах Санкт-Петербурга-Петрограда; протоиерей. Женат на Ольге Дмитриевне Рудинской. В 1920-х — работал в Педагогической академии Ленинграда. Осенью 1922 — арестован, 12 октября приговорен к 2 годам ссылки и в ноябре отправлен в Шенкурск Архангельской области. В июле 1924 — переведен в Усть-Цильму Печорского района. В октябре 1924 — обратился за помощью в Московский Политический Красный Крест, из его письма заведующим юридическим отделом было сделано для Екатерины Павловны Пешковой краткое резюме.

<28 октября 1924>

«Протоиерей Николай Семенович Рудинский 12 окт<ября> 1922 г<ода> был определен к высылке из Ленинграда, где проживал, в Архангельск<ую> губ<ернию> сроком на 2 года. 8-го ноября его привезли в Архангельск и сдали в комендатуру Архангельского ГПУ, по распоряжению которого он был направлен в г<ород> Шенкурск, куда прибыл 1-го дек<абря> 1922 года и находился там до половины июля 1924 года, когда его вытребовали в Архангельск для препровождения в Усть-Цильму (Печорск<ого> уез<да>). На вопрос Рудинского о том, как считать его перемещение в более отдаленный край, заведующий Архангельск<им> губ<ернским> ГПУ Хандриков ответил, что это перемещение не означает продления срока высылки, и дал слово, что он пробудет только до последнего пароходного рейса, что совпадет с окончанием срока его высылки, т<о> е<сть> 12 окт<ября> 1924 года. Месяца за 1½ до этого срока Рудинский отправил через местное свое начальство в Архангельск напоминание о себе, чтобы его не забыли вызвать с последним пароходом. На это заявление совершенно неожиданно получился из Архангельска такой ответ, что 2-х летняя его высылка оканчивается лишь 23-го февр<аля> 1925 года. Так как эта дата являлась совершенно произвольной, не связанной ни с чем предыдущим, то Рудинский отправил снова в Архангельск 2 заявления — в ГПУ и к Архангельскому прокурору по делам ГПУ, прося выяснить ему дело. Никакого ответа на эти заявления Рудинский не получил в течение целого месяца, и, наконец, 7-го окт<ября>, с отходом из Усть-Цильмы последнего парохода, прекратились рейсы, а так же прервалось на 2 мес<яца> и всякое почтовое сообщение.

Необходимо выяснить:

1). Осталось ли в силе первое определение от 12-го окт<ября> 1922 года о 2-х летней высылке протоиерея Николая Семеновича Рудинского, или же, если состоялось новое, то когда и какое?

2). Если изменения не было, то, как возможно, содействовать получению скорейшего разрешения на право выезда из Усть-Цильмы в Ленинград?

За все время пребывания в Шенкурске Рудинский не получил ни одного замечания от уполномоченного Шенкурского ГПУ»¹.

На письме — помета рукой Екатерины Павловны Пешковой:

«С<екретный> О<тдел>. Запросить в пон<едельник>. 3/ХI. Е.П. Пешкова».

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 42. С. 242-243. Автограф.

Весной 1925 — Николай Семенович Рудинский был освобожден и вернулся в Ленинград, продолжил работу в Педагогической академии. В 1930 — арестован по групповому делу, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения (Кемь). В мае 1931 — к Екатерине Павловне Пешковой обратился за помощью Василий Алексеевич Десницкий, литературовед.

<26 мая 1931>

«Дорогая Екатерина Павловна!

Окажите, если возможно, содействие в поддержке подательнице письма по делу и переводе Н. С. Рудинского из концлагеря на вольное поселение. Он одержим всякими болезнями — ему уже 60 лет — и на поселении с ним могла бы жить жена, да и врачебную помощь может получить. Как это ни странно, — почему я знаю его, — он был служащим в педагогической академии в 20-х годах, пытался перестроить свое душевное хозяйство; почему это ему не удалось, мне не известно. Если бы смогли ему помочь, это было бы очень хорошо.

Сердечный привет Вам от меня и от моих семейных.

П. Десницкий

26.V.31»².

В июле 1931 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью Ольга Дмитриевна Рудинская, жена Николая Семеновича.

<21 июля 1931>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Простите за беспокойство, но не могу молчать или, вернее, молча терпеть. 19/VII получила сведения, что муж мой — Рудинский Николай Семенович из Кемь привезен в Архангельск и направляется на о<стров> Вайгач в числе культурно-просветительной комиссии. В Архангельске разобрались, что он, как служитель культа, в работники просвещения не годится; кроме того, и по состоянию здоровья (медицинское освидетельствование признало) не подходит для жизни на Вайгаче и... решили снова вернуть его в Кемь, о чем сегодня 21/VII я получила телеграмму, имея в кармане билет для поездки в Архангельск с теплыми вещами и продуктами.

Нельзя ли в виду этих новых, не входивших собственно в программу отбывания наказания мучений и волнений просить большего снисхождения — замены лагерной жизни вольным поселением где-нибудь в более подходящих для него и меня условиях.

Прошу Вас ради всего святого пожайте нас — старых измученных больных... Будьте милостивы!

С надеждой и глубоким уважением О. Рубинская.

Адрес мой: Ленинград, Калашниковская наб<ережная>, д<ом> 7, кв. 4. Ольге Дмитриевне Рудинской»³.

В октябре 1931 — Ольга Дмитриевна Рудинская вновь обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<2 октября 1931>

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 654. С. 64. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 654. С. 64. Автограф.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Еще в 20-х числах июля я послала Вам свое письмо вместе с письмом Василия Алексеевича с просьбой похлопотать о смягчении участи моего высланного в концлагерь мужа (дело Рудинского Н. С. — № 12708). Одновременно с этим мною было послано и оформлено официальное заявление в Комитет помощи политзаключенным, т<о> е<сть> в Вашу канцелярию, и 8-го августа, по получении от М. Л. Винавера указания, бумага в ОГПУ через Вашу же канцелярию.

До сих пор я не имею никакого ответа. Между тем вчера я узнала от своего друга, сестры уехавшей в Иркутск Е. П. Малиновской, что существует комиссия пересмотра всех дел ОГПУ с 1 января сего года; во-вторых, что будто шестидесятилетних возвращают, и, в-третьих, известие от мужа, что он переведен в "любую" вторую категорию инвалидов. Так быстро слабеют его силы... Принимая все это во внимание, я снова решаюсь беспокоить Вас своей просьбой: последить за ходом дела мужа, если оно пересматривается, похлопотать о том, чтобы возможно скорее перевести его на вольное поселение в место более подходящее по климатическим условиям, где в тоже время он при своем расстроенном здоровье мог бы находиться под наблюдением врача и таким образом не был бы лишен так необходимой ему медицинской помощи. И, если бы таковые хлопоты увенчались успехом, разрешить ему ехать на место назначения не этапным порядком, а одному, как это было по Вашим хлопотам с упомянутой уже Е.П. Малиновской. Простите меня за нетерпение, но... годы идут, силы падают и возможно, что скоро все хлопоты могут быть уже запоздалыми. Простите и пожалейте нас.

С глубоким уважением и надеждой О. Рубинская.

Адрес мой: Ленинград 24,
Калашниковская набережная, д<ом> 7, кв. 4»⁴.

Весной 1933 — Николай Семенович Рудинский после освобождения из лагеря был выслан на 3 года в Северный край⁵, после освобождения из ссылки с ограничением проживания на 3 года поселился в Кольчугино Владимирской области⁶. 14 октября 1937 — арестован, приговорен к ВМН и расстрелян⁷.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 654. С. 93. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 752. С. 5-13.

⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 996. С. 162-166

⁷ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.